

12+

СТЕФАН БАРАНОВ

К.А.П.И.Т.А.Н

Стефан Баранов

К.А.П.И.Т.А.Н

«Издательские решения»

Баранов С.

К.А.П.И.Т.А.Н / С. Баранов — «Издательские решения»,

Уважаемый наш читатель! Перед вами — книга, рождённая в наших с сыном странствиях по мирам фантазии. Как и в предыдущих, правило остаётся неизменным: весь этот буйный космос, отважные капитаны, коварные пираты и хвостатый корабельный кот — это фантазия моего сына, Стефана. Мы приглашаем и вас отправиться в это путешествие вместе с нами. Надеемся, что на борту нашего звёздного корабля вам будет так же интересно, как и нам. С наилучшими пожеланиями, Папа.

© Баранов С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

К.А.П.И.Т.А.Н

Стефан Баранов

© Стефан Баранов, 2026

ISBN 978-5-0071-1709-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Уважаемый наш читатель!

Перед вами — книга, рождённая в наших с сыном странствиях по мирам фантазии. Как и в трёх предыдущих, правило остаётся неизменным: весь этот буйный космос, отважные капитаны, коварные пираты и хвостатый корабельный кот — это фантазия моего сына, Стефана. А буквы, слова и попытка уместить эту безудержную вселенную в строки — это уже моя, папина, работа. Итак, если что — все претензии к слогу и запятым направляйте мне. А Стефана — хвалите за его удивительные идеи и смелые сюжеты, без которых этой истории просто бы не было.

Мы приглашаем и вас отправиться в это путешествие вместе с нами. Надеемся, что на борту нашего звёздного корабля вам будет так же интересно, как и нам.

С наилучшими пожеланиями,

Папа.

Глава первая: «Исследовательский космический корабль „Рвущий“»

«Рвущий» в открытом океане

Тишина в межзвёздном пространстве — понятие относительное. Это не мертвая, гробовая тишь, а густое, вязкое безмолвие, наполненное мириадами едва уловимых вибраций. Слабый гул термоядерного сердца корабля, мерный шепот систем рециркуляции воздуха, поскрипывание корпуса, то расширяющегося, то сжимающегося от перепадов температур, — всё это сливалось в спокойную, почти медитативную симфонию жизни сложного механизма.

Исследовательский корабль «Рвущий», несмотря на грозное имя, полученное в наследство от эпохи первых прорывов, был воплощением надёжности, а не агрессии. Его формы, хоть и угловатые, лишённые изыска гражданских лайнеров, дышали суровой практичностью. Броня корпуса, покрытая паутиной микроскопических царапин от столкновений с космической пылью, отсвечивала тусклым серебром в свете далёкого Солнца. Следы недавней исследовательской кампании — едва заметные нагары на соплах маневровых двигателей, лёгкая запылённость оптических сенсоров — говорили о долгой и успешной работе. Теперь, с полными трюмами образцов и терабайтами собранных данных, «Рвущий» лёг на обратный курс. Он не летел, а именно что плыл, подхваченный попутным течением гравитационных аномалий, словно парусник, ловящий попутный ветер в безбрежном океане космоса. Домой. На Землю.

Знакомство с командой и пассажирами

Внутри корабля пахло металлом и слабым, едва уловимым ароматом чёрного кофе — неизменным спутником всех вахт. В столовой, за большим, крепко вваренным в палубу столом, собралась большая часть команды.

Капитан Зигурд сидел во главе, его руки, покрытые сетью старых шрамов и татуировок, с изображениями навигационных символов и созвездий, лежали на столе ладонями вниз. Лицо его, обветренное и жёсткое, как скала, с пронзительными глазами цвета стального сплава, казалось, было высечено из того же материала, что и корпус корабля. Он не говорил громко, но его низкий, грудной голос заставлял прислушиваться к каждому слову.

— Итак, кампания завершена, — произнёс он, обводя взглядом присутствующих. — Работа сделана чисто. Благодарю всех.

Рядом с капитаном, старательно выводя аккуратные строки в судовом журнале на планшете, сидел Пауль. Пятнадцатилетний юнга, он казался чуть ли не ребёнком на фоне выдавших виды космоходцев. Но в его глазах, серых и не по-юношески серьёзных, горел внутренний огонь. Он ловил каждое слово капитана, каждую команду, каждый взгляд, словно пытаясь впитать в себя всю мудрость космического мореплавания. Его собственная форма, хоть и акку-

ратно почищенная, сидела на нём чуть мешковато, но в его осанке, в том, как он держал планшет, чувствовалась целеустремлённость, вызывавшая у матросов не насмешку, а уважение.

Из камбуза, расположенного за герметичной переборкой, вышел Джонни, судовой кок. Высокий, сутулый, он двигался бесшумно, словно тень. Его лицо, всегда замкнутое и угрюмое, редко отражало какие-либо эмоции. Он поставил на стол большой термос с кофе, кивнул капитану коротким, почти небрежным кивком и так же молча удалился обратно. Его появление всегда вызывало лёгкую, едва заметную паузу в общем разговоре. Никто не мог сказать, что именно не так с этим человеком, но необъяснимое чувство неприязни, холодок, пробегающий по спине, витал в воздухе каждый раз, когда он находился рядом.

Пять матросов, возглавляемые вторым штурманом Марио — коренастым, жизнерадостным итальянцем с густой чёрной бородой, — оживлённо обсуждали предстоящий береговой отпуск. Их лица, привыкшие к суровым условиям, сейчас светились спокойной усталостью и предвкушением дома.

За отдельным, несколько меньшим столом расположились пассажиры. Миссис Шуманн, жена владельца частной исследовательской компании, держалась с достоинством и простотой. Она была лощёной женщиной, на её ухоженность, на идеальную стрижку и дорогую, но практичный костюм было видно, что на поддержание красоты тратятся большие деньги. Рядом с ней ёрзал её пятилетний сын, Джек, чьи глаза-блюдца с восторгом разглядывали огромные сенсорные панели на стене, ведущей к рубке.

— Мама, а правда, что мы уже скоро дома будем? — спросил он, отрывая взгляд от мерцающих экранов.

— Совсем скоро, милый, — миссис Шуманн ласково провела рукой по его волосам. — Нам повезло, что «Рвуций» как раз завершал свою миссию неподалёку от Эдема.

— Эдем был таким красивым! — воскликнул Джек. — Там были океаны розовой воды и деревья, которые светились ночью!

Миссис Шуманн улыбнулась, обращаясь к капитану:

— Да, Зигурд, спасибо, что согласились нас забрать. После трёх месяцев на курорте, пусть и самом роскошном, даже невесомость в салонах лайнера кажется утомительной. Приятно снова оказаться на настоящем, живом корабле.

Эдем-4, известный как «планета-баунти», и впрямь был воплощением идиллии: белоснежные пляжи из мельчайшего перламутра, омываемые тёплыми водами океанов, отливавших в лучах местного солнца нежным розовым светом. Воздух, густой и ароматный, был наполнен сладким запахом светящихся ночью гигантских лиан. Рай, созданный природой и доведенный до совершенства терраформ-инженерами.

И, наконец, кузен Карл. Учёный-гельминтолог, совершенно не от мира сего. Его пальцы, вечно перепачканные каким-то химическим составом, нервно перебирали пробирки в его походной лаборатории, стоявшей тут же, на столе.

— Фантастическая особь, — бормотал он себе под нос, разглядывая через мощную лупу образец, спасённый от жесточайшего истребления и смертоубийственного убийства на одной заброшенной орбитальной станции. — Посмотрите на эту мышечную структуру! Абсолютно уникальный паразит!

Урок навигации и первое испытание для Пауля

После завтрака капитан Зигурд кивком подозвал Пауля к главному навигационному посту на мостике. Всё здесь было выдержано в сенсорной эстетике — гладкие чёрные панели, на которых по мановению руки расцветали сложные голографические схемы и потоки данных.

— Ну что, юнга, — голос капитана потерял оттенок формальности, в нём появились нотки учителя, — показывай, чему научился. Определи наше местоположение. По Солнцу.

Пауль почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Он кивнул, сглотнув внезапно подступивший к горлу комок волнения. Его пальцы, тонкие и цепкие, плавно скользили по

сенсорным поверхностям, вызывая на главный экран данные телеметрии, спектральный анализ излучения Солнца, показания гравитационных сенсоров. Он был сосредоточен до предела, брови его сдвинулись, губы плотно сжались. Он проводил расчёты, сверялся с бортовыми эфемеридами, вносил поправки на курс и скорость.

— Координаты... Сектор Виктория-Семь... Подсектор «Дельта»... Точка... — он произнёс ряд цифр, голос его дрогнул лишь единожды.

Зигурд молча смотрел на экран, где высветились расчёты Пауля, а рядом — данные автоматической системы. Расхождение было. Минимальное, в пределах допустимой для новичка погрешности, но было.

— Неплохо, — произнёс капитан. Его палец, толстый и шершавый, указал на одну из голографических цифр. — Но посмотри сюда. Ты не учёл локальную гравитационную аномалию, вызванную остатками протопланетного облака. Она вносит микроскопическое искажение. На текущем курсе это — ничто. Но в критической ситуации, при переходе в подпространство, такая ошибка может отбросить нас на световые годы от цели.

— Я понимаю, — тихо сказал Пауль. — Я недоглядел.

— Запомни: космос не прощает неточностей, — Зигурд положил тяжёлую руку на его плечо. — Мастерство — это не только знание, но и чувство. Чувство пространства. Его не найти в учебниках.

Пауль кивнул, впитывая каждое слово. Он не чувствовал обиды, лишь жгучую жажду исправиться, понять, достичь того самого «чувства».

Внезапно мягкий перезвон сигнализации нарушил спокойную атмосферу мостика. На одном из экранов замигал значок «Объект неизвестного происхождения».

— Капитан на мостик! — раздался голос вахтенного матроса.

Все, кто был в столовой, разом поднялись и устремились к наблюдательным постам. На главном экране, в бездне чёрного бархата космоса, висело Нечто. Огромная, переливающаяся всеми оттенками фиолетового и изумрудного сфера. Она не была твёрдой, её границы колыхались, словно состояли из чистой энергии, пылающего газа и чего-то ещё, не поддающегося описанию. Это была информационная туманность — редкое и загадочное явление, кладёшь научных данных.

— Чёрт возьми... — прошептал Марио, его глаза загорелись азартом. — Целый рой неклассифицированных данных! Это же клондайк!

На лицах матросов читался чистый, неподдельный азарт. Для них это был шанс на богатейший улов, на премии, на славу. Капитан Зигурд, не отрывая взгляда от экрана, отдавал чёткие, отточенные команды.

— Готовить исследовательский катер к спуску. Полный состав научной группы. Вооружение — по стандартному протоколу для аномалий класса «Бета». Марио, вы возглавляете.

— Есть, капитан! — бодро отозвался штурман. — Команда, за мной!

Для пассажиров это было захватывающим зрелищем. Миссис Шуманн прижала Джека к себе, но и она не могла оторвать глаз от фантастического зрелища.

— Это опасно? — тихо спросила она капитана.

— Стандартная процедура, мэм, — успокоил её Зигурд. — Аномалия пассивна. Мы соберём пробы и вернёмся. Максимум через час.

Кузен Карл, наконец, оторвался от своих червей и, бормоча что-то о «возможных биологических сигнатурах», потянулся за скафандром.

— Представляете, какие паразиты могут обитать в такой среде! Это же революция в гельминтологии!

В течение следующих двадцати минут на корабле царила организованная суматоха. Команда опытных моряков, облачившись в лёгкие скафандры, погрузилась в малый исследовательский катер. Люк отсека с шипением закрылся.

Ответственность.

С мостика «Рвущего» донёлся голос Зигурда по связи:

— Держишь связь, юнга. Корабль на тебе. Мы — на час, не больше.

Пауль, стоя на капитанском мостике, видел, как катер, похожий на серебристого жука, отделился от могучего борта «Рвущего» и устремился к переливающейся сфере. Он становился всё меньше и меньше, пока совсем не скрылся из вида, растворившись в сиянии аномалии.

Тишина на мостике стала иной. Гул систем теперь казался громким и одиноким. Пауль медленно обвёл взглядом пустую рубку. Его взгляд скользнул по креслу капитана, по сенсорным панелям, по безжалостным чёрным иллюминаторам. Тяжесть ответственности, настоящей, взрослой, внезапно навалилась на его юные плечи, пригнув их. Он был старшим на борту. На его попечении остались Джонни, чья угрюмая фигура замерла в дверях камбуза, миссис Шуманн с маленьким Джеком, кузен Карл, уже снова погрузившийся в свои пробирки, и верный корабельный кот Мурзик, который, проходя мимо камбуза, внезапно выгнул спину, зашипел и шерсть на нём встала дыбом. И всё это — в безмолвной, бескрайней и абсолютно безразличной пустоте космоса.

Пауль сделал глубокий вдох, расправил плечи. Его пальцы сжали край сенсорной панели так, что кости побелели. Страх был. Но он был подавлен железной решимостью. Он не подведёт. Он должен справиться.

Идиллия закончилась. Начиналась история пятнадцатилетнего капитана.

«Первые часы капитана»

Бремя командования

Капитанский мостик «Рвущего» погрузился в звенящую тишину, нарушаемую лишь ровным гулом жизнеобеспечения и тихим потрескиванием сенсорных панелей. Пауль стоял на том самом месте, где час назад недвижимой скалой возвышался Зигурд. Прямо сейчас это место казалось не точкой власти, а эпицентром невыносимого давления. Непривычная тяжесть ответственности давила на плечи, на виски, сковывала дыхание. Каждый щелчок реле, каждый мигнувший индикатор заставлял вздрагивать и впиваться в экраны взглядом.

Он заставил себя сделать первый шаг. Не физический — административный. Его первым официальным приказом, отданным самому себе, стала тотальная проверка. Его пальцы, чуть влажные от волнения, скользили по сенсорным поверхностям, вызывая на главный дисплей схему курса. Он сверял каждую цифру, каждую поправку, введённую капитаном. Зелёные строчки данных подтверждали: курс стабилен, отклонений нет. «Рвущий» продолжал свой неспешный дрейф в заданном направлении, словно и не заметив, что его покинул капитан.

Затем он взял планшет с судовым журналом. Церемониально, чувствуя вес каждого слова, он аккуратным, чётким почерком, который он вырабатывал для важных записей, внёс первую запись от своего имени:

«Стандартное корабельное время, 11:00. Капитан Зигурд с командой на исследовательском катере отошли для изучения аномалии. Командование принял я, Пауль Гарсиа. Курс прежний, параметры в норме. Влияний аномалии на системы корабля не зафиксировано.»

Он перечитал написанное, задержав взгляд на словах «Командование принял я». Гордости в этом не было. Лишь холодное осознание факта.

Следующим шагом стала забота о гражданских специалистах. Он нашёл миссис Шуманн и Джека в их каюте. Мальчик что-то строил из магнитного конструктора, а женщина смотрела в иллюминатор на удаляющуюся сияющую сферу.

— Миссис Шуманн, — голос Пауля прозвучал чуть громче, чем он хотел. Он попытался вложить в него уверенность, но получилась лишь сухая официальность. — Пожалуйста, без крайней необходимости не выходите из вашей каюты. Космос коварен, и я... я должен быть уверен, что вы в безопасности.

Его тон не просил, а информировал. Это был не совет юнги, а инструкция временного командира корабля.

Миссис Шуманн обернулась. Её взгляд скользнул по его лицу, по его новой, неестественно прямой осанке, и в её глазах мелькнуло нечто большее, чем просто понимание. Она кивнула, коротко и чётко.

— Хорошо, Пауль. Мы не будем мешать.

Пауль кивнул в ответ и вышел в коридор. Дверь закрылась за его спиной с тихим шипением, отделяя его не от «мира пассажиров», а от последнего островка прежней, понятной жизни. Теперь он остался один на один с кораблём, его механическим дыханием и гнетущей тишиной, в которой так отчётливо слышался груз принятого решения.

Тень на борту

Мостик был проверен, курс подтверждён, запись в журнале внесена. Следующий пункт, вызывавший у Пауля смутную тревогу, находился на палубе ниже — камбуз. Дорога туда заняла несколько минут, и Пауль сознательно замедлил шаг, стараясь оттянуть неприятный разговор. Он прошёл по узкому коридору, где стены, окрашенные в тусклый серо-стальной цвет, были испещрены едва заметными царапинами от переноски оборудования. Под ногами слегка пружинил рифлёный металлический настил, а с потолка, переплетённого жгутами кабелей в термостойкой оплётке, доносился едва слышный гул вентиляции, разносящий по кораблю запах озона и металла.

Спустившись по крутому трапу с протертыми до блеска ступенями, он попал в жилую палубу. Здесь было теснее, двери в каюты располагались плотно, некоторые с табличками, некоторые — без. Воздух здесь пах иначе — запах переработанного воздуха, с лёгкими нотами ткани, пластика и чего-то неуловимого, человеческого.

Камбуз располагался в торце коридора. Дверь в него была приоткрыта, и оттуда тянуло густым, горьковатым ароматом. Пауль вошёл внутрь. Помещение было крошечным, вытянутым в длину, словно его втиснули в оставшийся зазор между более важными отсеками. Слева располагалась раковина из нержавеющей стали, на которой виднелись застывшие капли воды. Над ней — шкафчики с посудой, пристёгнутые защёлками к стене, чтобы их не сорвало при манёврах. Справа — компактная варочная панель, встроенная в столешницу.

Джонни стоял к нему спиной, его мощная, сутулая фигура почти касалась головой низкого потолка. Он не готовил сложных блюд. На панели стояла массивная, потемневшая от времени медная турка, в которой густо кипел чёрный кофе. Пена поднималась пузырями и с шипением оседала. В его руке, толстой и жилистой, с короткими обрубками пальцев, была маленькая, странно изящная на его фоне ложечка. Он медленно, с почти ритуальной точностью, помешивал густую жидкость, не давая ей убежать.

— Джонни, — начал Пауль, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Капитан Зигурд с командой ушли на катере для исследований. Они вернутся в течение нескольких часов. До их возвращения командование кораблём принял на себя я.

Кок не обернулся. Ложечка в его руке продолжала мерно двигаться по кругу, скребя по стенкам турки. Прошло несколько томительных секунд, прежде чем он откликнулся. Его голос был низким, лишённым каких бы то ни было интонаций, словно он произносил заученную фразу из никому не ведомого ритуала.

— Понял.

В этот момент в камбуз, словно серая молния, метнулся корабельный кот Мурзик. Обычно спокойный и ленивый, он запрыгнул на свободный угол столешницы, но вместо того, чтобы выпрашивать еду, замер, уставившись на Джонни. Из его горла вырвалось не привычное мяуканье, а низкое, вибрирующее урчание, полное первобытной угрозы. Вся шерсть на его спине и загривке встала дыбом, спина выгнулась дугой, хвост превратился в ёршистую метлу.

Джонни медленно, очень медленно повернул голову. Его глаза, тёмные и плоские, как два обсидиановых осколка, уставились на кота. Он не кричал, не шипел в ответ. Он просто смотрел. И в этом взгляде, лишённом всякой теплоты, читалась такая ледяная, такая концентрированная ненависть, что Паулю на мгновение перехватило дыхание. Казалось, воздух в камбузе стал густым и морозным.

«Что с этим человеком? — пронеслось в голове у Пауля, и его собственная рука произвольно сжалась в кулак. — Даже зверь, неотягощённый разумом, чувствует в нём что-то чужое... что-то опасное. Это не просто неприязнь. Это нечто большее. Надо быть настороже. Сейчас, больше, чем когда-либо, надо быть настороже».

Не сказав больше ни слова, Пауль развернулся и вышел, оставив Джонни наедине с его кипящим кофе и с котом, который, не сводя с кока горящих зелёных глаз, продолжал своё тихое, угрожающее ворчание.

Уроки капитана Зигурда

Возвращение на капитанский мостик было похоже на возвращение в келью — место уединения, размышлений и тяжкого труда. Тишина здесь стала ещё глубже, ещё весомее. Пауль медленно обошёл всё пространство, его пальцы скользнули по шероховатой поверхности центрального пульта, по прохладным сенсорным экранам, на которых мерцали зелёные и голубые символы. Он снова ощутил ту пустоту, что оставил после себя Зигурд, но теперь она была не просто физической, а интеллектуальной. Некому было поправить, указать на ошибку, бросить короткую, как удар кинжала, реплику, в которой заключалась годами нажитая мудрость.

Он опустился в кресло капитана. Кожаное кресло прохладной тяжестью приняло его, и эта тяжесть была грузом ответственности. Пауль закрыл глаза, пытаясь вызвать в памяти образ Зигурда — его низкий, размеренный голос, его неторопливые, точные движения.

«Космос не прощает неточностей, юнга», — отозвался в памяти голос капитана. — «Любая, самая мелкая ошибка в расчётах имеет свойство накапливаться. Как трещина в стекле. Сначала её не видно, но стоит появиться напряжению...»

Пауль открыл глаза и принялся за работу. Он вызвал на главный экран звездные карты сектора, трёхмерные проекции гравитационных полей, схемы маршрутов. Он начал мысленно повторять азы навигации, которые Зигурд вбивал в него все эти месяцы. Определение местоположения по пульсарам, учёт дрейфа подпространственных течений, поправка на относительное смещение ближайших звёзд. Он не просто читал данные — он вглядывался в них, пытаясь увидеть за сухими цифрами ту самую живую, дышащую структуру космоса, о которой говорил капитан.

Затем он принял решение. Теория — это хорошо, но нужна практика. Он отключил автокоррекцию курса и начал проводить тренировочные измерения вручную. Его пальцы летали по сенсорным панелям, вызывая показания одного прибора за другим. Он сверял данные оптических телескопов с показаниями гравитационных сенсоров, вносил поправки, строил виртуальные траектории. Он «набивал руку», как говорил Зигурд, вгрызаясь в науку управления кораблём с упорством, достойным восхищения.

В самый разгар его занятий дверь на мостик с лёгким шипением раздвинулась, и внутрь, бормоча что-то себе под нос, вошёл кузен Карл. Учёный выглядел ещё более взъерошенным, чем обычно; на его белом халате красовалось несколько свежих пятен неизвестного происхождения, а в руках он зажал планшет, с которого стремительно листались изображения каких-то биологических структур.

— ...и анастомозы нервных узлов, представьте, полностью автономны! — бормотал он, не глядя по сторонам и направляясь куда-то вглубь корабля. Его путь лежал мимо Пауля. На секунду учёный остановился, его рассеянный взгляд скользнул по экранам, застыл на лице юнги, и на его губах появилась блаженная, отрешённая улыбка.

— Ах, молодой человек, — произнёс Карл, словно только сейчас заметив Пауля. — Какая удача! Я сегодня препарировал невероятную особь из коллекции! Это... это шедевр эволюции! Представьте — нервная система, замкнутая сама на себя, образует подобие кольца Мёбиуса! Поразительная приспособляемость к паразитическому существованию в условиях сильных магнитных полей!

Он посмотрел на Пауля, явно не осознавая, чем тот был занят, и, не дожидаясь ответа, радостно кивнул и поплёлся дальше, продолжая свой односторонний диалог с невидимым собеседником.

Пауль смотрел ему вслед, и на его лице против воли появилась слабая улыбка. Абсурдность и нелепость ситуации — он, пятнадцатилетний юнга, отвечающий за судьбу огромного корабля, и учёный, живущий в своём мире паразитических червей, — на мгновение разрядила гнетущую атмосферу одиночества. Это был короткий, но очень нужный миг простой человеческой, хоть и чужаковатой, нормальности. Он глубоко вздохнул, снова сосредоточился и вернулся к своим измерениям, чувствуя, что стал чуть-чуть спокойнее и увереннее.

Первые признаки беды

Прошло несколько часов. Монотонный гул корабля, ритмичное мигание индикаторов и бескрайняя чернота за иллюминаторами начали сливаться в одно сплошное, убаюкивающее ощущение. Пауль боролся с усталостью, заставляя себя поочерёдно фокусироваться то на показаниях датчиков, то на звёздной карте, то на чистоте стекол главного визора. Именно этот пристальный, почти механический осмотр и позволил ему заметить то, что можно было легко пропустить.

На самом краю видимости, там, где абсолютная тьма космоса должна была сливаться с такой же абсолютной тьмой, появилась тонкая, едва различимая светящаяся полоска. Она была похожа на лезвие бритвы, проведённое по чёрному бархату — прямая, холодная, неестественная. В ней не было ни мерцания звёзд, ни переливов туманности. Лишь ровный, безжизненный свет.

И тут в памяти Пауля, словно вспышка, возник голос Зигурда, суровый и предостерегающий. Он звучал так ясно, будто капитан стоял за его спиной: *«Запомни, парень, любая прямая линия в космосе — это не природное явление. Или чья-то работа, или предвестник бури. Пространственное отклонение... Смотри на приборы! Не доверяй только глазам!»*

Пауль резко отвернулся от иллюминатора и подошёл к центральному диагностическому комплексу. Его пальцы, внезапно ставшие влажными, побежали по сенсорным панелям, вызывая данные гравитационных, пространственно-тензорных и эмиссионных сенсоров. Он нашёл то, что искал — аналоговый индикатор фоновой пространственной кривизны. Старомодный прибор с физической стрелкой, который Зигурд предпочитал цифровым дисплеям за его наглядность.

Стрелка не просто дрогнула или сдвинулась с места. Она, преодолевая сопротивление, плавно и неумолимо поползла вниз, в красную зону шкалы. Это было медленное, но абсолютно однозначное движение, не оставлявшее места для надежд на ошибку или временный сбой. Навседние под шкалой гласило: «ГРАДИЕНТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ИСКАЖЕНИЯ».

Космический ураган. Одна из самых страшных и непредсказуемых сил в космосе. Не шторм в атмосфере, а разрыв самой ткани реальности, несущий с собой хаотические сдвиги, гравитационные разрывы и полную потерю ориентации.

Ледяной ком сжался в груди Пауля. Он посмотрел на хронометр. Прошло уже больше трёх часов. Ни исследовательского катера, ни сигнала от Зигурда. Ждать больше было нельзя. Каждая секунда промедления приближала «Рвущий» к той самой лезвию-полоске на горизонте, за которой начинался хаос.

Он стоял, вцепившись пальцами в край пульта, глядя на ползущую стрелку. Это был момент, когда теория, тренировки и чужие наставления закончились. Начиналась практика. Его первое настоящее, взрослое решение, от которого зависели жизни.

Пауль выпрямил спину. Его лицо стало маской сосредоточенности. Он глубоко вдохнул и потянулся к главному переключателю системы оповещения.

Глухая стена

Палец Пауля дрожал, когда он нажимал на переключатель. По всему кораблю разнёсся негромкий, но настойчивый предупредительный сигнал, за которым последовал его собственный голос, звучавший чужим и излишне громко в датчиках связи:

— Внимание всем на борту. Говорит временный командующий. Обнаружены признаки надвигающегося пространственного возмущения. Прошу всех оставаться на своих местах и пристегнуться ремнями безопасности. Повторяю...

Он отключил общее вещание. Первый приказ был отдан. Теперь — второе, и самое главное. Он перевёл канал на узкополосную сверхсветовую связь, настроенную на частоту исследовательского катера. Его ладони стали ледяными. Он видел в уме катер, Зигурда, Марио, всю команду, занятых сбором данных у той прекрасной и смертоносной сферы.

— «Рвущий» вызывает исследовательский катер. Капитан Зигурд, приём.

Тишина. Лишь лёгкий шипение космического фона. Он подкрутил мощность передатчика, проверил целостность антенного массива на внешней обшивке. Всё было в норме. Его взгляд упал на тактический дисплей, где обычно отображались все объекты в радиусе нескольких световых секунд. Яркая метка аномалии мерцала, испещрённая статикой, но метки катера на ней не было. Совсем. Сканирующие лучи «Рвущего» упирались в сияющую стену туманности и отражались обратно, ослеплённые чудовищными энергетическими помехами. Аномалия поглощала всё — и радиоволны, и сенсорные импульсы, словно ненасытный зверь, скрывший в своей пасти их катер.

— «Рвущий» вызывает катер Зигурда! Отвечайте! Срочное сообщение! Вы слышите меня?

Снова тишина. Но теперь она была иной — тяжёлой, густой, зловещей. Он представил себе, как его голос, преодолевая миллионы километров, уходит в ту самую аномалию и тонет в её сияющем безмолвии, рассеиваясь в хаосе помех. Страх, холодный и липкий, начал подползать к сердцу. Не страх за себя. Страх ответственности. Что, если они не слышат? Что, если не могут ответить? Что, если он сейчас примет решение, которое навсегда разделит их? Он сражался не с молчанием эфира, а с самой аномалией, и эта битва была проиграна ещё до начала.

Он сменил тактику, перейдя на аварийный канал, который должен был пробить любые помехи.

— Катер, это Пауль! Вы слышите меня? На горизонте пространственный разрыв! Ураган! Вам нужно немедленно возвращаться! Немедленно!

Его голос сорвался на крик. В ответ — лишь безжалостный, всепоглощающий звук тишины, подчёркнутый равнодушным гулом корабельных систем. Он ударил кулаком по панели, от боли в костяшках на миг прояснилось в голове. Паника не поможет. Её нельзя допускать. Они в ловушке. Он не может их достать. Он даже не может быть уверен, что они ещё... Он резко оборвал эту мысль.

Он сделал третью, последнюю попытку, уже почти не надеясь. Голос его стал тихим, почти шёпотом, полным отчаяния:

— Капитан... Зигурд... Ответьте... Хотя бы маячок...

Ничего. Только слепая, немая стена аномалии на тактическом экране и ползущая в красную зону стрелка прибора.

Время вышло. Он остался один. Не с командой, не с наставником. Один с кораблём, с гражданскими, с угрюмым коком, которому нельзя доверять, и с ледяным знанием, что он бессилён помочь тем, кто доверил ему командование.

Он откинулся в кресле, закрыв глаза. Страх никуда не делся, но его оттеснила другая эмоция — холодная, стальная решимость. Он сделал всё, что мог. Теперь оставалось только одно — спасти тех, кто остался на его попечении. Даже если это означало оставить капитана и команду в пасти у слепого чудовища-аномалии.

Он открыл глаза. Взгляд стал твёрдым. Он потянулся к панели управления двигателями.

Подготовка к шторму

Собрав волю в кулак, Пауль нажал кнопку общего оповещения. На сей раз его голос прозвучал в каждом уголке «Рвущего» — ровный, металлический, лишённый паники, но не допускающий возражений.

— Всем находящимся на борту собраться в центральном коридоре жилой палубы. Немедленно. Это приказ временного командующего.

Он сам спустился вниз, чувствуя, как каждый его шаг теперь должен отмерять ритм решимости для остальных. Первой появилась миссис Шуманн, крепко держащая за руку испуганного Джека. Её лицо было бледным, но она смотрела на Пауля с вынужденным доверием. Затем, бормоча и пытаясь застегнуть халат на непослушные пуговицы, вывалился кузен Карл. Последним, словно тень, возник в дальнем конце коридора Джонни. Он стоял, скрестив руки на груди, и его молчание было красноречивее любых слов.

Пауль обвёл их взглядом, встречаясь с каждым.

— Через час, возможно два, нас накроет космический шторм. Пространственный разрыв. Мы не можем его избежать, но можем подготовиться. У всех есть задачи. Слушайте внимательно.

Он повернулся к Джонни, стараясь смотреть прямо в его холодные, плоские глаза.

— Джонни, ваша задача — критически важна. Пройдите по всем отсекам, начиная с нижних палуб. Проверить герметизацию всех люков и аварийных переборок. Контрольный список — в судовом компьютере, отсек за отсеком. После проверки — обесточить все нежизненно важные помещения: камбуз, неиспользуемые каюты, вспомогательные кладовые. Я буду дистанционно отслеживать отключения по главному щиту. Доложить о выполнении лично.

Он давал конкретные, проверяемые инструкции, выстраивая для кока клетку из обязанностей и отчётности. Не просто «проверить», а «пройти по списку». Не просто «обесточить», а с последующей сверкой по щиту. Чтобы у того не было ни времени, ни пространства для манёвров.

Джонни медленно кивнул, его лицо не выразило ничего.

— Понял.

Затем Пауль обратился к миссис Шуманн:

— Миссис Шуманн, Джек. Вы оба должны переместиться в каюту капитана. Она самая защищённая. Возьмите аварийный запас — воду, концентраты из камбуза, аптечку. После этого жёстко пристегнитесь ремнями безопасности. И не покидайте каюту до моего прямого приказа.

— Хорошо, Пауль, — тихо, но чётко ответила женщина, уже поворачиваясь, чтобы вести сына.

Наконец, Пауль повернулся к кузену Карлу. Учёный смотрел на него рассеянно, словно сквозь туман.

— Профессор, — сказал Пауль, и в его голосе появилась твёрдая, почти капитанская интонация. — Ваша задача не менее важна. Вы должны немедленно проверить, чтобы все ваши пробирки, образцы и коллекции были надёжно закреплены в своих стойках. Мы не

хотим, чтобы в разгар шторма ваши глисты устроили тут собственный, биологический шторм. Понятна задача?

Слова «глисты» и «биологический шторм» казалось, дошли до сознания учёного. Его глаза на мгновение сфокусировались.

— О! Да, конечно! Коллекция! Нельзя допустить компрометации образцов! — он засуетился и почти побежал к своей лаборатории, бормоча о паразитах и контейнерах.

Джонни, не говоря ни слова, развернулся и молча направился к трапу, ведущему вниз. Но прежде, чем скрыться из вида, он на секунду задержался и бросил на Пауля быстрый, пронзительный взгляд. Это был не взгляд подчинённого. Это был взгляд оценщика. Холодный, расчётливый, в котором мелькнуло нечто, похожее на удивление, смешанное с презрением. Пауль почувствовал, как по его спине пробежали мурашки, но не дрогнул. Он кивнул в ответ, коротко и жёстко, давая понять, что видел этот взгляд, и что он ничего не изменит.

Оставшись один в коридоре, Пауль глубоко вздохнул. Первый этап был пройден. Теперь начиналось самое трудное. Он повернулся и быстрым шагом направился обратно на мостик, к креслу, откуда ему предстояло провести свой корабль сквозь ад.

Начало бури

Мостик «Рвущего» превратился в сердце надвигающегося хаоса. Пауль, пристёгнутый ремнями в кресле капитана, чувствовал, как гигантская стальная машина корабля замерла в напряжённой тишине, ожидая первого удара. И он пришёл.

Не грохот, не скрежет — сначала это был низкочастотный гул, исходивший из самой ткани пространства. Он входил в кости, в зубы, заставлял вибрировать внутренности. Затем «Рвущий» содрогнулся всем своим многометровым корпусом — не резко, а с глубокой, размашистой дрожью, словно исполинский зверь, в которого впились копыё. Свет на мостике погас, на секунду погрузив всё во тьму, прежде чем аварийное освещение залило помещение кроваво-красным сиянием.

Одновременно взвыла сирена, её пронзительный вой сливался с нарастающим рёвом бури. На главном визоре, где ещё недавно была лишь тьма и тонкая светящаяся полоска, теперь бушевало месиво из искривлённого света и тени. Первые метеоры, рождённые разрывом реальности, проносились мимо, и один из них, крупный обломок скалы, покрытый сияющим инеем, с оглушительным ударом разбился о броню в районе носовых сенсоров. Корпус звонко запел от удара.

Пауль не чувствовал страха. Нечто большее и меньшее, чем страх, овладело им — ледяная, абсолютная концентрация. Его мир сузился до размеров капитанского кресла и сенсорных панелей, до которых он дотягивался руками. Его пальцы летали по экранам, пытаясь парировать крен, стабилизировать дрожащий курс. Он не видел ничего, кроме бегущих строчек данных, графиков напряжений и мигающих предупреждений. Каждая клетка его тела помнила, каждое мышечное волокно впитывало уроки Зигурда. *«Не борись с бурей, — звучал в памяти спокойный голос. — Слейся с ней. Чувствуй ритм, находи паузы, используй их. Корабль — это продолжение тебя».*

И тут он почувствовал лёгкий удар по ноге, а затем — цепкую тяжесть. Он на секунду оторвал взгляд от приборов. К его штанине, испуганно жмурясь и прижимая уши, вцепился Мурзик. Кот, вопреки всем приказам, каким-то образом добрался до мостика. Его шерсть была взъерошена, глаза, полные животного ужаса, были прикованы к бушующему за иллюминаторами кошмару. Но он не метался. Он впился когтями в Пауля, словно чувствуя в этом сосредоточенном, молчаливом юноше свою единственную твёрдую опору в рушащемся мире.

Пауль не стал его прогонять. Одной рукой он продолжал вводить коррективы, другой на мгновение коснулся дрожащей спины животного. Это был короткий, молчаливый контакт, подтверждение союза. Они были здесь одни — человек и зверь, лицом к лицу со стихией, против которой не было ни защиты, ни пощады.

— Держись, — прошептал Пауль, неясно, коту ли, кораблю или самому себе.

И снова уткнулся в экраны, его сознание сливаясь с бьющимся в конвульсиях «Рвущим», пытаюсь найти тот самый ритм, ту единственную щель в безумии, что позволила бы им выжить.

Ночь и неизвестность.

Шестой час. Перманентная буря. Это уже не череда ударов, а одно сплошное, бесконечное падение в хаос. «Рвущий» стонал, скрипел, вибрировал каждой заклёпкой, каждым сварным швом. Казалось, сам металл достигает предела прочности, готовый разорваться от чудовищного напряжения, что скручивало пространство вокруг. Иллюминаторы были слепы, залитые сплошным месивом из святящихся частиц и космической пыли.

Пауль сидел в кресле, пристёгнутый, мокрый до нитки от пота, хотя температура на мостике была почти ледяной. Его мышцы ныли, веки слипались, требуя хоть секунды покоя. Но он не мог. Не мог даже на секунду отвести взгляд от мерцающих экранов, с которых не сходили предупреждения о перегрузках, колебаниях магнитного щита и новых метеоритных потоках. Каждый его нерв был натянут до предела, сознание — чистый, отполированный болью и усилиями кристалл концентрации. Сон был врагом, более коварным, чем метеоры. Он кусал себе губу до крови, чтобы резкая боль вернула остроту мысли, и снова вгрызался в данные, сверяя показания, внося микроскопические поправки в дрейф, который пытался развернуть корабль боком к основному удару.

Где-то там, в этой слепящей, ревущей темноте, за стеной пространственного разлома, был капитан Зигурд и команда. Была надежда, которую он не смел выпускать из сердца, и тяжкий груз вины, который давил сильнее гравитационных перегрузок. А здесь, на мостике «Рвущего», оставался он, пятнадцатилетний Пауль, притихший у его ног кот Мурзик и безжалостный, равнодушный космос. И пока космос выл свою боевую песню, а метеориты яростно бились о борт, Пауль впервые понял настоящую цену слова «капитан». Это значит быть последним, кто имеет право сдать.

«Коварство и потеря курса»

Тишина была оглушительной. После многолетнего рева искажённого пространства, после воя сирен и грохота метеоров, навалившаяся внезапно тишь казалась неестественной, почти зловещей. «Рвущий» плыл в абсолютной, беззвёздной черноте. Последние клочья пространственной пены медленно уплывали за корму, словно дым после грандиозного сражения. Сражения, в котором они чудом уцелели.

Пауль отстёгнул дрожащими руками привязные ремни и поднялся с кресла. Его тело заныло пронзительной, глухой болью — платой за часы постоянного напряжения. Он сделал несколько неуверенных шагов по мостику, его ноги были ватными. На лицах сенсорных панелей мигали десятки жёлтых и красных значков — немые свидетельства ран, полученных кораблём.

Он покинул мостик и спустился в центральный коридор, а оттуда — через аварийный шлюз — в ангарную зону. Воздух пах гарью, раскалённым металлом и чем-то едким, химическим. Картина, открывшаяся ему, была удручающей. Несколько солнечных парусов, обычно сиявших серебром, были превращены в лохмотья, безжизненно повисшие на разорванных тросах. Одна из таурелей — мощных энергетических мачт — была переломлена пополам, словно спичка. На её месте зияла чёрная дыра, а рядом, сорванная с креплений, болталась пустая рама спасательной капсулы. Крышки с нескольких технических люков были вырваны и унесены в небытие. «Рвущий» был похож на гигантского, избитого зверя, зализывающего раны в пустоте.

Пауль, с лицом, осунувшимся и постаревшим за бессонные сутки, медленно обходил зону. Его движения были точными, выверенными — он фиксировал каждое повреждение, мысленно составляя список первоочередных работ. Внутри всё сжималось от холодной тревоги. Они были одни. Глубоко одни.

Он нашёл Джонни у обломков сломанной таурели. Кок с мрачным видом разглядывал место излома.

— Джонни, — голос Пауля был хриплым от усталости. — Нужно начать ремонт. Сначала — заварить пробоины от метеоров, потом заняться парусами. Принеси инструмент из трюма, я помогу.

Джонни медленно повернул к нему своё каменное лицо. В его глазах не было ни уважения, ни сочувствия.

— Мало того, что шторм чуть не разорвал нас на части, так теперь ещё и работать за всю команду, — буркнул он глухо, но достаточно громко, чтобы Пауль услышал. — Ладно. Будет сделано.

В этот момент из внутреннего трапа появились миссис Шуманн и Джек. Женщина выглядела бледной, но собранной. Мальчик, напротив, выбежал в ангар с широко раскрытыми глазами, разглядывая последствия бури с детским, жутковатым любопытством.

Миссис Шуманн подошла к Паулю. Её взгляд, полный искреннего восхищения и благодарности, был для него как глоток горячего чая после ледяной стужи.

— Вы провели нас через шторм, Пауль, — тихо сказала она. — Я... я даже не представляю, как вам это удалось. Это было невероятно.

Джек, не говоря ни слова, просто уставился на Пауля. В его взгляде не было страха или растерянности. Только чистое, безоговорочное обожание. Он смотрел на юношу как на героя, сошедшего со страниц приключенческого романа.

Пауль смущённо кивнул, чувствуя, как по его щекам разливается краска. Ему было неловко от похвалы, ведь он лишь делал то, что должен был. Цена этого «долга» была выжжена у него на лице и отдавалась болью в каждом мускуле.

— Спасибо, — коротко сказал он. — Но... нам ещё многое предстоит. Вам лучше вернуться в каюту капитана. Находиться вне защищённого отсека пока небезопасно.

Он снова остался один с Джонни, с израненным кораблём и с бескрайней, равнодушной пустотой вокруг. Похвала отогрела душу, но не отменила суровой реальности. Они были одни, повреждены, и путь домой был потерян.

Тревожные нестыковки

Возвращение на мостик было похоже на возвращение в камеру пыток, где орудиями были тишина и мигающие огоньки неполадок. Пауль принёс с ангарной палубы запах гари и едкой пыли, который теперь казался ароматом их общего поражения. Он снова опустился в кресло капитана, и на этот раз его обдало не гордостью, а ледяным одиночеством.

Он вызвал на главный экран электронную карту сектора. Зелёная линия заданного курса, проложенная когда-то рукой Зигурда, упрямо тянулась вперёд. Согласно расчётам, они должны были находиться в хорошо изученном подсекторе «Дельта-Три», на окраине торгового пути. Пауль механически сверил цифры. Всё сходилось. Логика, холодная и неумолимая, утверждала: курс прежний.

Но его внутреннее чутьё, тот самый звериный инстинкт, о котором говорил капитан, поднимало тревожную бурю. Он поднял голову и взгляделся в главный визор. За стеклом, очищенным от космической пыли, лежала абсолютно чужая, незнакомая тьма. Он искал глазами Алголь, яркую звезду-демона, что всегда висела слева по носу. Её не было. Он искал цепочку из трёх тусклых звёзд, которую матросы в шутку называли «Зубочисткой». Их тоже не было. Созвездия, служившие им верными дорожными знаками все эти недели, бесследно исчезли. Их заменила безликая, равнодушная чернота, в которой не было ни ориентиров, ни надежды.

Ледяная струйка паники поползла по позвоночнику. Он заставил себя дышать глубже. *«Паника — враг», — вспомнил он слова Зигурда.* Логика против интуиции. Он должен довериться логике. Но капитан также говорил: *«Если приборы противоречат твоим глазам и ощущениям, значит, ты смотришь не на те приборы».*

Он отодвинул планшет с электронной картой и повернулся к аналоговому индикатору фоновой пространственной кривизны — тому самому, со стрелкой, что предупредил его о буре. Это был старый, но безотказный механизм, не подверженный сбоям программного обеспечения. Именно ему теперь предстояло стать последней инстанцией.

Впервые он делал это один. Без спокойного, уверенного присутствия Зигурда за спиной, без его коротких, дельных подсказок. Его руки, покрытые свежими ссадинами и следами копоты, дрожали от накопившейся усталости и давящей ответственности. Он взял в руки навигационный планшет и начал вводить данные, бормоча про себя, как заклинание:

— Солнце... спектральный класс и видимая яркость... Млечный Путь... угол ориентации галактического диска относительно плоскости эклиптики... — его пальцы скользили по сенсорному полю, выводя на экран сложные формулы. Он использовал самые фундаментальные, почти незыблемые ориентиры. Он делал всё так, как его учили. Скрупулёзно, педантично.

На экране появились итоговые координаты. Пауль сверил их с показаниями инерциальной навигационной системы. Они не просто не совпадали. Они отличались кардинально. Согласно его расчётам, «Рвуций» находился в совершенно другом секторе, в десятках световых лет от предполагаемого места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.